





Элла положила деньги на стол и вышла из кафе. Но не успела она отойти от двери, как вдруг столкнулась с женщиной лет сорока в длинном бежевом пальто. Элла скользнула по ней взглядом, отметив, что такой фасон женщине совершенно не идет, поскольку ноги кажутся короче, чем они есть, и хотела уже пройти мимо, как вдруг незнакомка схватила ее за руку и радостно проговорила:

— Норочка, как удачно, что я тебя встретила! Ты, небось, сережку уже обыскалась...

Элла удивленно уставилась на незнакомку, но не успела ничего сказать, потому что та сыпала слова, как горох:

— Хорошо, что я тебя заметила! Я тебя еле узнала, ты на работе совсем не так одеваешься... прямо не узнала сперва, думаю, ты или не ты в курточке такой смешной, но потом вижу — точно, ты... И не накрашена совсем, ты, наверно, от косметолога идешь... так вот, сережка...

— Извините... — начала Элла, пытаясь освободить руку, — какой Сережка? О чем вы, вообще?

— Не какой, а какая! — Женщина и не думала отпустить ее руку. — Твоя сережка, золотая, между прочим. Ты ее в туалете потеряла, а я после тебя туда зашла и увидела... она под зеркалом лежала! Хорошо, что не упала в раковину! Я несколько раз сережки теряла, так обидно! Одну потеряешь, а вторая, считай, что пропала, не будешь же одну носить, и разные тоже не будешь! Вот, возьми...

С этими словами незнакомка вложила в руку Эллы какой-то маленький бумажный пакетик, скорее сверток.

— Извините, — повторила Элла, — но я...

— И не благодари, ты бы тоже мне отдала, если бы нашла... тем более что одна сережка мне все равно не нужна... шучу, шучу!

— Но послушайте, вы меня, наверное... то есть точно...

— Ой, моя маршрутка! В понедельник увидимся! — выпалила незнакомка и бросилась прочь, махнув рукой.

— То есть точно с кем-то перепутали... — договорила Элла, но незнакомка уже втиснулась в маршрутку и умчалась в неизвестном направлении. — Перепутали... — повторила Элла вслед маршрутке и встряхнула головой, пытаясь привести мысли в порядок.

Что это было?

Однозначно, эта женщина с кем-то ее перепутала, приняла ее за свою знакомую... и что-то ей всучила...

Элла уставилась на маленький сверток, который все еще держала в руке.

Тут у нее в сумке зазвонил телефон.

Элла открыла сумку, машинально сунула в нее сверток, нашарила телефон, который, как всегда, оказался на самом дне.

Звонила Катерина Романовна.

— Кустова, надеюсь, ты не забыла, что должна сдать мне «Часы» к двадцать третьему?

— Не забыла, не забыла! — проворчала Элла. — Работают...

— А я слышу по фону, что ты на улице! — процедила вредная Катерина. — Ты должна сидеть за компьютером, не отрывая сама знаешь что, сама знаешь от чего...

— Да успею я!

— Смотри, если не успеешь, больше работы не получишь!

Катерина отключилась — накрутила хвост, и довольна.

А Элла поплелась домой.

Ей и правда нужно было работать, она редактировала по заданию небольшого издательства исторический роман под названием «Часы Зигмунда Фрейда», и срок сдачи работы неумолимо приближался. Но сидеть с утра до ночи за компьютером невозможно, от этого тупеешь и слепнешь, вот она и вышла выпить кофе в соседнюю кофейню. И съесть что-нибудь калорийное, типа горячего бутерброда с жареной картошкой, чтобы уж до вечера о еде не думать.

Элла была довольна своей работой — сидишь дома, не нужно мотаться каждый день в какой-нибудь задрипаный офис в набитом транспорте, не нужно терпеть бесконечные сплетни и перешептывания за спиной офисных девиц, не нужно выслушивать замечания

от начальства по поводу своего внешнего вида да с начальством вообще не слишком часто приходится общаться. Вот Катерина, конечно, звонит, держит в тоне, ну так это ее работа...

Элла вернулась домой, в свою крошечную квартирку на седьмом этаже блочного дома. Возле лифта толклось семейство с вещами, бабушкой и собакой. С дачи, что ли, приехали...

Элла решила, глядя на сумки и пакеты, что можно тут до вечера проторчать. Да еще и пес огромный на нее посмотрел и облизнулся. Элла собак не боялась, и этого пса встречала во дворе с хозяином. Он дурной такой, сразу же обниматься лезет. А вес у него солидный, один раз ее чуть в грязь не уронил.

Она пошла пешком, и надо же было такому случиться, что, когда она была на пятом этаже, лифт открылся и пес выскочил наружу с радостным лаем. Здравствуйте вам, давно не виделись!

— Макс, не приставай ты к людям! — рявкнул хозяин не хуже медведя, видно, достали уже мужика все эти вещи, дачи, дети и бабушка в инвалидном кресле.

Пес все-таки прыгнул и положил лапы Элле на плечи.

— Ну ладно, ладно. — Она пыталась только отвернуть лицо, чтобы не облизывал. Потом потрепала его за уши и совсем близко увидела собачьи глаза, в которых плескалось самое настоящее счастье.

— Глупый какой... — сказала она тихонько. — Всех любит... без разбора... разве можно так...

Тут хозяин, видимо, потерял терпение и легонько стеганул пса поводком, а Элле удалось ускользнуть.

Она перевела дух только на своем седьмом этаже. Сняла кроссовки и бросила сумку на тумбочку. Прихожая крошечная, как и все у нее в квартире, помещается только вешалка да ящик для обуви, и еще тумбочка под зеркалом. И чтобы себя в зеркале полностью увидеть, нужно на площадку лестничную выйти.

Впрочем, Элле и не нужно перед зеркалом вертеться да себя оглядывать — как юбка сзади сидит да не морщит ли... и вырез не слишком ли большой, да не торчит ли бретелька от бюстгальтера...

Самая удобная для Эллы одежда — свободные потертые джинсы да куртка флисовая. Ну, зимой, конечно, пуховик, летом — майка открытая. На ее гардероб и шкафа платяного не нужно, все на одной полке запросто поместится. А куда больше? Для того и работу такую она выбрала, чтобы в офисе не торчать да по салонам красоты не ошиваться. Этак же никакого времени не хватит, то стрижка, то брови, то маникюр, так всю жизнь там и просидишь.

Ну что, нужно работать. Катерина — баба вредная, если Элла к сроку файл отредактированный не сдаст, может и отказать в дальнейшем. А работу такую Элла терять не хочет, потому что не надо в офис таскаться и так далее, по списку.

Она сняла флиску и наклонилась, нашаривая тапочки под тумбочкой. Тумбочка давно уже стояла неустойчиво, одна ножка шаталась. Сейчас Элла оперлась на нее слишком сильно, тумбочка закачалась, и... еле-еле Элла ее удержала, но сумка свалилась на пол, из нее вывалилось все содержимое и раскатилось по прихожей.

Элла чертыхнулась, собрала все мелочи, скрипнула зубами, увидев, что раскололась пудреница, и тут ей под руку попался крошечный сверток. Ах да, это та ненормальная сунула ей сережку возле кафе.

Элла развернула сверток и увидела серьгу.

Самая обычная золотая сережка в форме ракушки, а внутри — крошечная жемчужинка. Ну да, замочек слабый, поняла Элла, повертев сережку, вот неизвестная женщина ее и потеряла. А та, вторая, нашла и не придумала ничего лучше, чем сунуть серьгу первой попавшейся, которая показалась ей похожей на ее знакомую. Да Элла и сережек-то не носит, у нее вообще уши не проколоты.

Вот интересно, как та баба в понедельник оправдываться будет перед той, настоящей, которая потеряла сережку... как она назвала Эллу? Ага, Норой. Какое неприятное имя... Нора. Похоже на крысиную нору. Или кроличью.

Да, эта Нора серьгу свою не увидит. Ну что ж, не такая большая потеря, вещь недорогая, купит себе новые. А Элле давно пора выбросить из головы этот случай и сосредоточиться на работе.

Она уселась за стол, включила компьютер и открыла нужный файл. Ну и как там поживает доктор Фрейд?..

*Смеркалось. По улице Белелесгассе, которая вела от Николаевой площади в Йозефов, к Старому еврейскому кладбищу, шел прилично одетый молодой человек. Кроме него, на улице не было ни души, его шаги гулко отдавались от стен старых домов.*

*Молодой человек подошел к низкой стене кладбища, вошел в узкую калитку...*

*Перед ним теснились тысячи древних каменных надгробий, тысячи плит, скопившихся на этом кладбище за четыре столетия. Плиты кренились, как будто склонившись перед Всевышним в безмолвной, бесконечной молитве. Некоторые соприкасались верхними краями, словно тихо переговаривались между собой о чем-то сокровенном. На них виднелись загадочные клинописные надписи на иврите и простые рисунки, полустертые временем, сложенные в молитве руки, виноградные грозди, священные сосуды...*

*Как среди этих бесчисленных надгробий найти могилу своего предка?*

*Почти совсем стемнело, и там и тут над могилами появилось странное бледное свечение, раздавался едва слышимый шепот — то ли ветерок шелестел среди ветвей, то ли духи мертвых переговаривались между собой.*

*Молодой человек протискивался между накренившимися плитами, читая написанные на них имена булочников и сапожников, раввинов и финансистов. В какой-то момент эти имена, эти надписи слились в одну бесконечную надпись, от которой у него зарябило в глазах, закружилась голова. Молодой человек споткнулся, упал, в глазах у него потемнело, он словно выпал из потока бытия, как птенец, выпал из уютного гнезда жизни...*

*— Что с вами, сударь? — прозвучал над ним негромкий озабоченный голос.*

*Сигизмунд открыл глаза и увидел склонившегося над ним благообразного старика в старомодном одеянии. За спиной у этого старика виднелась огромная фигура с покатыми плечами и длинными, свисающими до колен руками.*



— *Что с вами?* — повторил старик. Сигизмунд понял, кого он напоминает — пражского раввина с гравюры семнадцатого века, которая висела в кабинете его отца.

— *Извините, рабби,* — смущенно проговорил Сигизмунд, неловко поднимаясь на ноги. — *Упал в обморок, как кисейная барышня... прежде со мной такого не случалось...*

— *Бывает, бывает!* — Раввин снисходительно улыбнулся. — *Вы приехали из Вены, чтобы найти могилу своего прадеда?*

— *Верно, рабби...* — Сигизмунд удивленно взглянул на старика. — *Но как... как вы это узнали?*

— *Поживите с мое, и тоже будете многое узнавать! Это просто, юноша, это очень просто. Вы одеты, как венский студент из хорошей семьи, и говорите так же. А что может делать молодой венский студент на Старом еврейском кладбище в Праге? Искать свои корни, искать могилы своих предков. Позвольте узнать ваше почтенное имя, дабы я мог помочь в ваших поисках?*

— *Я Сигизмунд... Зигмунд Шломо Фрейд.*

— *Фрейд...* — Раввин задумался. — *Ах да, конечно! Здесь, неподалеку, в Йозефове, жил переплетчик Фройд, его, как и вас, звали Шломо... пойдёмте, я покажу вам его могилу.*

Старик повернулся к своему рослому спутнику и сказал:

— *Иди вперед, ты знаешь дорогу!*

Тот безмолвно повернулся и пошел в глубину кладбища, тяжело впечатывая в глинистую землю толстые ноги. Раввин и Сигизмунд последовали за ним.

— *Какой у вас странный слуга!* — проговорил Сигизмунд, глядя в спину великана. — *Он немой?*

— Немой, — кивнул раввин, — но очень сильный и послушный. Во время Большого погрома он спас многих наших единоверцев...

— Большого погрома? — удивленно переспросил Сигизмунд. — Но это было очень давно, больше трехсот лет назад...

— Что такое время? — Раввин пожал плечами. — Не больше, чем сон... триста лет пролетают, как один миг. Кстати, вот мы уже и пришли к могиле вашего почтенного предка.

Он показал Сигизмунду плоскую вертикальную плиту, на которой была высечена раскрытая книга, под которой с трудом можно было прочесть имя — Шломо Фрейд, переплетчик.

— Он был человеком книги. Пусть он не писал книги, а только переплетал их — его служение книге было беззаветным. Здесь он похоронен, и отсюда восстанет по зову ангела в день Страшного суда. Ему будет непросто подняться, ведь тут же, над ним, похоронено еще несколько человек...

— Как так? — удивился Сигизмунд.

— Оглядитесь, друг мой! — Раввин обвел рукой кладбище. — Здесь, на этом небольшом участке, похоронено больше ста тысяч человек! Как это возможно, спросите вы? Ведь по нашим законам нельзя тревожить прах усопшего! Вот и приходилось класть одного покойника поверх другого и присыпать его сверху землей. Только надгробные плиты говорят нам о том, кто спит здесь вечным сном, потому они и теснятся здесь, как на праздничном базаре...

Раввин пристально взглянул на Сигизмунда и проговорил, понизив голос:

— *Вечный сон, которым спит ваш предок, мало отличается от жизни. Жизнь — это тоже сон, иллюзия. И вам, друг мой, предстоит много сделать, чтобы растолковать смысл этой иллюзии, растолковать смысл сновидений... И я, друг мой, хочу сделать вам маленький подарок...*

*Раввин повернулся к своему слуге и сказал ему:*

— *Поддай мне сумку!*

*Великан протянул хозяину кожаную суму. Тот запустил в нее руку и достал карманные часы, протянул их Сигизмунду. Это были круглые серебряные часы, которые за их форму называют нюрнбергской луковицей. Только циферблат у них был необычный. Вместо римских или арабских цифр на нем были буквы еврейского алфавита.*

— *Простите, рабби, но я не могу принять от вас столь дорогой подарок! Ведь я даже не знаю вашего почтенного имени...*

— *Мое имя я тебе назову. Меня зовут Иегуда Лев, сын Бецалея. Я был раввином Староновой синагоги.*

— *Были? — переспросил Сигизмунд.*

— *Не цепляйся к словам! Был или есть — разница невелика! Вот, возьмите эти часы, они сделаны большим мастером, тем же, который изготовил часы на синагоге. Как и те часы, эти идут в обратную сторону. Обычные часы идут вперед, от детства к юности, от молодости к старости, от жизни к смерти. Эти же часы идут назад — от старости к молодости, от зрелости к детству, к тому времени, которое создает нашу душу, наш характер. Эти часы идут от смерти к жизни...*

*Раввин говорил еще что-то, но Сигизмунд больше не слышал его, не разбирал его слова. Они сливались в ровное журчание, похожее на журчание ручейка. Перед глазами*

Сигизмунда заколыхалась тьма, закружился кладбищенский туман...

*И вдруг он очнулся.*

*Над ним стоял одноглазый старик в поношенном, засаленном сюртуке и надвинутом на глаза картузе со сломанным козырьком. Старик этот тряс Сигизмунда за плечо:*

*— Проснитесь, сударь! Проснитесь! Нельзя спать на голой земле! Вы застудите себе спину. Да и вообще — негоже спать на кладбище! Всякое может случиться...*

*— Разве я спал? — удивленно проговорил Сигизмунд, протирая глаза.*

*— Еще как спали, сударь! А я иду, смотрю, человек, сперва думал, что это какой-нибудь бродяга, а потом гляжу — прилично одетый молодой господин... позвольте узнать ваше почтенное имя!*

*— А кто ты такой, что спрашиваешь мое имя?*

*— Я — Лейба, кладбищенский сторож. Присматриваю здесь за порядком. А кто вы и что делаете здесь ночью?*

*— Я — Зигмунд Шломо Фрейд, сын Якоба Фрейда, торговца тканями. А на это кладбище я пришел, чтобы найти могилу своего предка.*

*— Ох, сударь, найти здесь чью-то могилу очень трудно! Уж на что я долго здесь работаю, и то не смогу вам помочь! Сами посудите, здесь похоронено не меньше ста тысяч человек!*

*— Спасибо, я уже нашел его могилу. Мне помог рабби...*

*— Рабби? Какой рабби? Дistinguished рабби Пинкус из Староновой синагоги вторую неделю болеет и не выходит из дому, а никакого другого здесь нет...*

*— Но как же? Здесь был почтенный рабби со своим слугой, он даже назвал свое имя — Иегуда Лев бен Бецалель...*

— *Что такое вы говорите, сударь!* — испуганно пролепетал сторож. — *Рабби Иегуда Лев бен Бецалель жил триста лет назад! Это он сделал себе глиняного слугу, голема, и вложил в него жизнь, положив в рот записку с именем Божьим...*

— *Ох ты...* — выдохнул Зигмунд. — *Выходит, все это мне приснилось...*

— *Выходит, так, сударь, выходит, так! Вот же и надгробье его... оно совсем рядом!* — Сторож показал на покосившееся надгробье с высеченным на нем львом. — *А теперь позвольте мне проводить вас прочь с этого кладбища, приличному молодому господину вроде вас нечего делать здесь ночью!*

*При этом сторож так выразительно взглянул на Зигмунда, что рука того сама полезла в кошелек и протянула старику несколько пфеннигов, которые тут же исчезли у того в кармане.*

*Сторож и правда проводил Зигмунда до кладбищенской калитки.*

*Зигмунд пошел прочь, думая о том, какие странные бывают сны.*

*Вдруг он ощутил какое-то биение у себя в кармане, словно там было какое-то живое существо, положим, птенец.*

*Он остановился, запустил руку в карман и удивленно уставился на красивые карманные часы. Нюрнбергская луковица. Те самые часы, которые подарил ему во сне раввин...*

Элла оторвалась от экрана и зажмурилась, чтобы дать отдых глазам. Потом потянулась и осознала, что хочет пить. Ну да, съела что-то с острым соусом в кафе. Она лениво встала и побрела на кухню.

Холодильник был пуст, там сиротливо жалась к стене полупустая банка кетчупа и скучали два яйца. Ну да,

Элла не любит готовить, да и зачем стараться для себя одной? Время только тратить. Она вздохнула и набрала воды в чайник.

В буфете нашлась пара слипшихся карамелек. Вот интересно, как они туда попали? Причем лежат уже, судя по внешнему виду, долго...

Она сунула чайный пакетик в чашку с кипятком и с сомнением посмотрела на конфеты. Нет, все же есть такое нельзя, к ним даже фантики прилипли. Все же нужно изредка заходить в магазин. Или на дом продукты заказывать.

Пошарив в буфете, в ответ на свои благие намерения, Элла отыскала там пачку кускового темного сахара, положила три куска на блюде и отнесла все в комнату. Не стоит надолго отрываться от доктора Фрейда. Хотя неизвестный автор, надо сказать, пишет весьма грамотно, там и редактировать нечего.

Только Катерине про это Элла не скажет.

Она села, держа в руках чашку, кресло опустилось под ее тяжестью, рука дрогнула, и чай пролился, к счастью, не на клавиатуру, поскольку Элла резко махнула рукой в сторону. Так, хорошо, что чай немного остыл. Но проклятое блюдо упало на пол и разбилось. Куски сахара раскатились по комнате.

Черт, черт, черт! Да что у нее сегодня все из рук падает?!

Элла отпила несладкого чая и немного успокоилась, после чего подобрала крупные осколки блюда и замела в совок сахар и мелкие осколки. Сахара явно не хватало, она принесла три куска, а перед ней было всего два. Нехорошо оставлять его на полу, придут муравьи или мыши. Внизу объявление висит от фир-

мы, уничтожающей насекомых, крыс и мышей. Значит, они в доме есть?

Элла поехала, не хотелось бы встретить посторонних в собственном кухонном шкафу. Она внимательно оглядела комнату. Ничего, даже пыли немного. Значит, под диваном.

Комната была небольшая, одну стену занимал диван, напротив — стол с компьютером, был еще шкаф, в котором Элла хранила и одежду, и книги. Как уже говорилось, одежды у нее было немного.

Рука под диван пролезла с трудом, Элла пошарила немного. Вот там было полно пыли. Надо же, вроде бы она убирала... не помнит точно, когда, но недавно.

Ага, вот он!

Элла нашарила кубик сахара, но ухватить его было невозможно. Она изогнула руку, но проклятый кусочек укатился еще дальше. И вот, когда она осознала, что придется все же диван отодвигать, после чего поднимется туча пыли, и вместо того, чтобы работать, она целый вечер угробит на уборку, ей пришла в голову здравая мысль посветить.

Через минуту она улеглась на живот и направила под диван луч фонарика от мобильного телефона. Сахар оказался совсем не в той стороне, где она искала. А рядом с ним что-то блестело.

Элла распласталась на полу и вытянула руку как можно дальше. Вот он, отвратительно липкий кусок, а дальше...

Ой! Что-то больно царапнуло ее за палец, однако она ухватила это что-то и вытащила руку.

На пальце была кровь, здорово ее царапнула эта штука. Элла разжала кулак и уставилась на свою руку

в полном изумлении. На ладони у нее в пыли и липких крошках лежала золотая серьга. В форме ракушки с крошечной жемчужиной внутри.

Что за черт, как она туда попала? Элла выдвинула ящик стола и увидела вторую точно такую же сережку. Такая же ракушка с жемчужинкой.

Этого не может быть! Как они сюда попали? Она никогда не носила сережек, у нее и уши не проколоты даже! Что вообще происходит?

И в этот момент раздался телефонный звонок. Звонил не мобильник, а стационарный старый пластмассовый аппарат, что стоял на кухне, в прихожей для него просто не было места.

Элла вслушивалась в звонки, не в силах подняться с пола. Телефон все звонил и звонил, тогда она встала и потащилась на кухню.

— Алло! Кто это?

В ответ она услышала странное слово.

Она, как обычно, проснулась раньше будильника. И ощутила, что кровать рядом с ней пуста. Стало быть, муж уже встал. Ну да, вот слышны его шаги в прихожей, он варит для нее кофе. И принесет его ей сюда. И нужно будет улыбаться ему и благодарить.

Она терпеть не может пить кофе рано утром. Тем более даже не умывшись и не вычистив зубы. И вообще, при виде мужа с подносиком ей вспоминается старый анекдот:

— Вам кофе в постель?

— Нет, лучше в чашку!

Ну вот, дождалась. Дверь открылась, и она едва успела отвернуться и прикрыть глаза.



— Малыш, пора вставать! — услышала она его бодрый голос. — Я кофе сварил!

Этими словами он приветствовал ее каждое утро, хоть бы для интереса что-то другое сказал. Она наблюдала из-под полуопущенных ресниц, как он поставил поднос с чашкой кофе на тумбочку возле кровати с ее стороны. На подносе еще был крошечный молочник и искусственная ромашка в маленькой вазочке.

Ну да, это он в каком-то фильме подсмотрел небось, только там цветок был живой, а такие обычно на кладбище приносят.

Очень осторожно она приоткрыла глаза и растянула губы в вымученной улыбке, поймав его взгляд.

— Как ты? — радостно спросил он. — Хорошо почивала?

«А тебе-то что, — захотелось ответить, — какое тебе вообще дело до моего сна?»

Разумеется, она ничего не сказала, потому что не хотела его обижать. Ведь это ее муж, он ее любит, заботится о ней и очень хорошо к ней относится.

— Вот, возьми! — Он налил в чашку сливок из молочника. Она всегда пила кофе со сливками, но без сахара, и никаких заменителей, вообще сладкое терпеть не могла.

Совсем близко она увидела его лицо. Вот странно, вроде бы он симпатичный мужчина — среднего роста, но широкоплечий и сильный, спортивный, подтянутый, светлые волосы аккуратно подстрижены, черты лица чуть грубоваты, но не в этом же дело! Это ее муж, они прожили с ним три с половиной года, и до этого были еще знакомы почти год, и выходила она за него замуж уж точно по любви, а не по расчету, потому

что никакого расчета не было выходить за рядового сотрудника мелкой охранной фирмы, но, господи, как же ее от него воротит!

Ее трясет от его прикосновений, от его преувеличенной заботы, от его приторно-ласкового голоса, от этого слова «почивала», откуда он его только вытащил!

— Пей, малыш, кофе остынет. — Он поднес чашку к ее лицу, так что невольно пришлось откинуться на подушку.

— Спасибо... — Она постаралась сказать это нежно и взяла из его рук чашку.

Кофе был невкусный. Возможно оттого, что перед глазами маячили короткие пальцы, поросшие рыжеватыми волосками, и ногти, плохо подстриженные. И запах, она все время чувствовала, что от него идет какой-то неприятный запах. Это было неправильно, она знала, что он аккуратен, душ принимает два раза в день, и белье всегда свежее, и выбрит он чисто...

Она все это знала, но ничего не могла с собой поделать. Он раздражал ее всем. Ей противно было слышать его голос, противно видеть его лицо, а уж когда он смеялся, ей хотелось стукнуть его чем-нибудь или на крайний случай заткнуть уши.

Она пила кофе молча, ожидая, когда ему надоест стоять у нее над душой и он уйдет.

— Пей, малыш, кофе придаст тебе бодрости и сил, — приговаривал он, как всегда, других слов у него не было, как будто заучил несколько предложений на все случаи жизни и пользуется ими, не придумывая ничего своего.

Он никогда не называл ее по имени, а только малыш. Ни зайныка, ни котинька, ни лапушка, а только

малыш. Не то чтобы ей хотелось быть лапушкой, но какой еще малыш? Да она вообще выше его ростом, если на каблуках!

«Если еще раз назовет малышом, выплесну остатки кофе ему в физиономию!» — подумала она и тут же испугалась своих мыслей. Да что с ней происходит? Нужно немедленно взять себя в руки.

— Спасибо тебе. — Она протянула ему чашку и спустила ноги с кровати. Он наконец ушел на кухню, а она проскользнула в ванную и закрыла дверь на задвижку.

Здесь можно было расслабиться и не следить за своим лицом, не следить за собой. В зеркале отражалось мрачное лицо с твердо сжатыми губами. Так и морщины появятся...

Впрочем, ей сейчас не о морщинах надо думать. Нужно привести себя в порядок и ехать на работу. Это важно.

Он все-таки постучал в дверь.

— Малыш, ты скоро? Время уже...

— Иду! — Она поплотнее запахнула халат и вышла уже с полным макияжем, и волосы стянула в гладкий узел на затылке.

На кухне пахло жареным, отчего ей стало нехорошо.

— Остыло все! — сказал муж. — Или опять не будешь есть?

Она отмахнулась от него и достала из холодильника йогурт.

Он перевалил ее порцию на свою тарелку и принялся есть, жадно, торопливо запихивать в себя яичницу с пожаренным жирным беконом да еще огром-

ный кусок хлеба, густо намазанный маслом, и колбасы туда положил!

Она так и съела свой йогурт, стоя у холодильника, чтобы не сидеть за столом и не видеть этого безобразия.

Муж сыто рыгнул, налил себе кофе и положил туда три ложки сахара. Она не видела, но точно знала, что три. А пока он шарил в буфете в поисках печенья, она ловко проскользнула мимо, чтобы он не вздумал чмокнуть ее в щеку жирными губами.

В спальне она открыла шкаф и задумалась на минуту, что надеть. Разумеется, только костюм, сотрудникам банка обязателен деловой стиль. Костюмов у нее было предостаточно, но вот брючный или с короткой юбкой? Пожалуй, сегодня брючный, вот этот, к нему можно лоферы, а то вроде бы дождь на улице...

Пока она одевалась, муж прибрал на кухне и уже ожидал ее в прихожей.

— Пора в путь-дорогу! — пропел, как всегда. И как всегда сфальшивил.

Господи, откуда он выкопал эту жуткую песню? Ведь не старый же человек!

Застегивая пальто, она почувствовала, что очень болит палец на левой руке. Там была заметная припухлость и краснота, царапина если и есть, так уже затянулась.

— Когда это я? — проговорила машинально.

— Дай посмотреть! — Он крепко сжал ее руку. — Ну да, царапина воспалилась, наверно, грязь попала.

— Да где это я поцарапалась? Не помню...

— А это, наверное, когда мы к Вадиму на шашлыки ездили в воскресенье!

— Кто такой Вадим?

— Ну, толстый такой, белобрысый, мы с ним раньше борьбой занимались. У него дом в Макеевке на берегу озера, ну, там, наверно, ты занозу посадила.

У нее в голове мелькнули смутные, туманные картины — озеро с темной непрозрачной водой, заросшее камышом, костер... какие-то люди возле него смеются и пьют пиво. Никакого толстого Вадима она не помнила, да и какая разница?

— Нужно обработать, а то хуже будет... — сказал муж. — Ранка уже начинает воспаляться.

— Да ладно тебе! — Она вырвала свою руку. — Опаздываем уже! Не хватало еще, чтобы начальник заметил и на вид поставил! И так уже сокращение в банке идет! Вот уволят меня...

— Этого не надо, — серьезно ответил муж и пошел вперед, чтобы подогнать машину к подъезду.

На улице шел дождь, и ей не понадобилось раскрывать зонтик.

В машине муж включил музыку, и она была рада этому, поскольку не нужно было разговаривать. Он смотрел на дорогу, водитель он умелый и ответственный, этого у него не отнимешь. Доехали быстро, муж ловко объезжал пробки.

— Пока! — сказала она и погладила его по плечу.

— После работы заеду! — кивнул он.

— А у тебя когда смена-то? — вдруг спросила она и успела заметить, как он нахмурился.

— Просил же, — прошипел он, — не спрашивай никогда про мою работу. Ну не могу я ничего рассказывать, подписку давал! Мы это с тобой уже обсуждали.

Ах да, он говорил что-то по поводу секретности. Но какие суперсекретные дела могут быть у небольшой охранной фирмы? Если бы он в серьезной государственной структуре работал, тогда еще может быть, да и то...

— Да ладно, я в субботу же работал! — сказал муж и примирительно улыбнулся.

Она совершенно не помнила, что было в субботу. Если он работал, то чем она-то занималась?

Да какая разница, в конце концов! Вечером он встретит ее на машине, и не нужно будет тащиться под дождем.

Охранник на входе в банк кивнул скупое, она ответила тем же. И быстро прошла в свой кабинет, стараясь не встречаться ни с кем глазами. Она работала в этом банке больше полугода, но за это время ни с кем особенно не сблизилась.

Включила компьютер, проверила, не было ли проникновения, узнала сегодняшние пароли, ввела. Дальше началась обычная рутина: проверка счетов клиентов, обработка платежных документов.

Она никуда не выходила из кабинета до обеда, не прерывалась на болтовню и перекур (вообще никогда в жизни не брала в рот сигарету). И растворимый кофе из автомата терпеть не могла. И все эти чипсы, сухарики, палочки и шарики — бр-р-р... гадость какая.

А сотрудники пьют и топчутся у автомата, только чтобы не работать. Общаются... к ней в кабинет доносится смех и отвратительный запах дешевого растворимого кофе.

Она вообще терпеть не может сильные запахи. Например, от одной сотрудницы, как же ее зовут... Лена, Лиля, Люся... не вспомнить, всегда навязчиво пахнет

французскими духами. Литрами она их на себя льет, что ли...

Тут как-то в туалете с ней столкнулись... долго потом тот запах выветрить не могла.

А от ее непосредственного начальника пахнет псиной. У него на столе фотография стоит — огромный такой пес в объектив скалится, на волка похож. Начальник его обожает, бесконечно рассказывает, как пес его встречает, лапы на плечи ставит, облизывает.

Ей просто плохо становится, как такое представит. Она собак терпеть не может. И кошек тоже, от них одна грязь.

Ну вот, обеденный перерыв, и эта самая Лиля-Люся к ней заглядывает. Через стекло видно, как рукой машет — идешь в кафе? Она головой помотала — не могу, мол, работа срочная, нужно закончить.

Не хватало еще сорок минут слушать ее болтовню. А Люся эта, или как ее там, не отстает, руками машет, приглашает. Ну, до чего же настырная баба!

Она отвернулась и взяла трубку телефона, и даже сделала вид, что кнопки нажимает. Подождала немного, потом посмотрела краем глаза. Ушла наконец-то.

Она выждала еще минут семь, потом выключила компьютер, убрала со стола все бумаги и вышла. Сотрудники ее отдела уже все ушли, она не боялась встретиться с кем-то.

Выйдя на улицу, она свернула в другую сторону, совсем не туда, где в кафе торгового центра пообедали сотрудники. Хорошо, что дождь кончился, потому что она забыла зонтик.

Прошла несколько кварталов, осторожно переступая через лужи, и вошла в ресторан. Ресторан был дорогой, поэтому сотрудники сюда не ходили.

Она отдала пальто гардеробщику и прошла в самый дальний конец зала, где столики были отделены друг от друга стойками с цветами. Цветы были настоящие, живые, но пыльные, и пахли тухлой землей.

Хоть и дорогой ресторан, а уборка не на высоте, усмехнулась она про себя. Впрочем, это ее не касается. Для нее важно другое.

Официант, не спрашивая ничего, поставил перед ней тарелку. Как обычно — рыба на пару и брокколи. Капуста была недоварена, как всегда, рыба пресная, безвкусная. Возможно, ей так кажется, потому что она нервничает и ждет.

Она услышала, как за соседний столик кто-то сел. Скрипнул стул, звякнула чашка.

— Не оглядывайтесь, — сказал низкий властный голос. Голос, который она слышала уже несколько месяцев, голос, который завораживал ее и обещал ей другую жизнь. Она никогда не видела обладателя этого голоса, но верила ему.

— Я помню правила, — сказала она, глядя в тарелку.

— У вас все в порядке? — спросил голос. — Вы неважно выглядите, бледная, похудели...

Черт, она не успела освежить макияж! Из-за этой Лили-Люси было не выйти в туалет, прилипчивая баба обязательно втянула бы в разговор, увязалась бы за ней в этот ресторан...

— Я в норме, — сухо сказала она.



— Вы нервничаете, ничего не едите, — продолжал голос, — это может быть проблемой...

— Я спокойна. — Она взяла себя в руки, чтобы произнести эти слова твердо.

— Это хорошо, — согласился низкий голос, — потому что очень скоро вам понадобятся все силы.

— Могу я спросить, когда?

Она знала, что нельзя задавать ему никакие вопросы, это бесполезно. Но на этот раз он ответил.

— Операция будет на следующей неделе. Точную дату вам сообщат накануне. Будьте наготове, чтобы все прошло гладко. Не подведите меня. Это в ваших интересах.

— Разумеется... — И снова она сделала над собой усилие, чтобы произнести эти слова твердо.

Но вилка в дрожащей руке так и норовила звякнуть о тарелку, так что пришлось стиснуть ее в кулаке. Так что она не услышала, как ее собеседник ушел.

Она осторожно, стараясь не звякнуть, положила вилку на стол и долго сидела, глядя в одну точку. Значит, на той неделе. Операция произойдет на той неделе.

«Не подведите меня», — сказал голос. И она не подведет. Она сделает все, как надо, и тогда...

Тогда у нее появятся много денег, и можно будет уехать куда-нибудь далеко-далеко. Бросить постылого мужа, который, в общем, ничего плохого ей не сделал, так что особенно неприятно существовать с ним рядом. Бросить скучную работу, забыть про банк. И эту безликую полупустую квартиру оставить мужу, как-нибудь подгадать время, когда он будет дежурить, и просто уйти. Записку можно написать, чтобы не искал,

или по телефону позвонить. Лучше эсэмэску послать.

— Вам еще что-нибудь принести? — Это официант склонился озабоченно.

— Да, чашку зеленого чая. И уберите это. — Она подвинула нетронутую тарелку.

— Сэндвич с индейкой, творожный кекс, две булочки с маком и миндальный круассан! — отбарабанила девушка за кассой. Элла с трудом управилась с пластиковой картой, чертыхнувшись про себя, потому что рука двигалась плохо.

Девушка покосилась на забинтованный палец. Он отзывался болью, если случайно к нему прикоснуться, и мешал выполнять некоторые движения. И что вообще там такое, воспаление, что ли?

Черт, когда же ей его забинтовали? И кто?

Она помнила, что поцарапала палец сережкой, которую нашла у себя в квартире под диваном — и больше ничего. Странный провал памяти нависал над ней черной пустотой. Рановато в ее-то возрасте! Хорошо хоть на левой руке, не так мешает работать...

Она вспомнила о работе и снова расстроилась.

Редактура двигалась очень медленно, за неделю она почти не продвинулась... Даже удивительно, чем вообще занималась...

С такими грустными мыслями Элла взяла бумажный пакет с едой и отправилась домой. Кофе и растворимого попьет, а готовить времени совсем нету, работать надо.

Во дворе она увидела знакомого мужчину с пятого этажа, хозяина любвеобильного пса Макса. Пес рвал-

ся с поводка ей навстречу, хозяин едва удерживал его, так что пришлось подойти ближе и вытерпеть все собачьи нежности.

— Непослушный какой! — Она пыталась увернуться. — Вас не слушается... в собачью школу его не отдавали?

— Да я понятия не имею, кто его воспитывал! — в сердцах ответил хозяин. — Я его на дороге подобрал полгода назад всего. Еду с дачи поздно уже, смотрю — дорогу кто-то перебегает. А потом пропал, я думал — сбил его. Остановился, гляжу — ползет еле-еле. Лапа перебита, но уже давно, загноилась, на боку рана. И смотрит так прямо в душу. А видно, что пес не бездомный, ухоженный был, на ошейнике брелок, зовут Макс. Ну, взял я его, отвез к ветеринару, подлечил. Мои тогда все на море были, а как приехали... ну, пошумели, конечно, немного. Дети-то хорошо его приняли, он ласковый. А вот теща все ворчит, и жена ей подпекает... — Тут мужчина спохватился, что рассказывает лишнее совершенно незнакомой девице, и замолчал.

— Ну, Максик, будь умницей, слушайся папу, — сказала Элла.

Пес тыкался носом ей в ладонь, требуя ласки.

— Знаете, он вообще-то послушный, только почему-то шалит, когда вас увидит...

— Я заметила. — И Элла поскорее проскочила в подъезд.

Она наскоро поела на кухне и выпила две чашки чая. Вот почему все время хочется есть?

Ладно, нужно работать. Срок сдачи неумолимо приближается... кстати, какой там срок?

Элла выдвинула ящик стола, где держала важные документы, чтобы взглянуть на договор с издательством.

И тут, в этом ящике, она увидела смятую бумажку.

Как она сюда попала? Почему лежит среди важных бумаг?

Ах, ну да, в эту бумажку была завернута серьга, которую всучила ей странная женщина в кафе...

Вот еще одна странность.

Если та женщина ее, Элли, с кем-то перепутала, а иначе, конечно, и быть не может, то тогда как в этой квартире оказалась точно такая же сережка?

Этот факт не поддавался никакому логическому объяснению. Ведь она же хотела с этим разобраться, да вот забыла, закрутилась с работой.

Тут же всплыла неприятная мысль, что в редакции романа она продвинулась очень мало. Так, сегодня какой день? Она раскрыла календарь в телефоне. Суббота, шестнадцатое сентября. А с Катериной Романовной она говорила точно в субботу, та сказала, что редактуру нужно сдать к двадцать третьему. Ужас какой, всего неделя осталась! Но сначала нужно все-таки разбраться с сережкой.

Элла разгладила бумажку, при этом задела палец, который отозвался застарелой болью.

Это был чек на оплату услуг телефонной компании.

Сверху было крупно напечатано название компании — «Петротелеком», ниже — дата, примерно недельной давности, а еще ниже — номер мобильного телефона плательщика.

Наверняка это номер той самой женщины из кафе... В противном случае Элла бумажку выбросит и зай-

мется редактурой. В конце концов, в жизни происходят иногда странные вещи. Но нужно все же попробовать кое-что выяснить.

Поддавшись мгновенному импульсу, Элла взяла свой телефон и набрала этот номер. Она не знала, что спросит у незнакомки, не знала, что станет ей говорить, но надеялась, что незнакомка хоть как-то объяснит ей странности с сержкой. И не только с ней.

Ответили почти сразу.

— Кто это?

— Послушайте, но это очень странно... — начала Элла вместо приветствия.

Но тут собеседница перехватила у нее инициативу:

— Нора, это ты? Ты не со своего телефона звонишь? Вот удачно, я как раз тебе звонила, а ты не отвечаешь... тут на работе творятся какие-то странные дела. Нам непременно нужно с тобой поговорить, это очень важно, но только не по телефону! И не на работе, там все время народ толчется, и камеры везде...

— Но я не понимаю...

— Говорю же — не по телефону! Давай встретимся в том кафе на Подъяческой, в «Золотом ключике». Ну, там еще рядом корпоратив у нас был. Еще говорили, что лучше бы в том кафе его и проводили, а то ресторан дорогой, а кухня ужасная. Я буду там через час...

— Но я все же не понимаю...

— Все там! — перешла собеседница на шепот. — Говорить больше не могу... Но все очень, очень серьезно...

Элла хотела еще что-то сказать, но из трубки уже неслись равнодушные гудки отбоя.

Элла в растерянности смотрела на телефон.

Та женщина снова приняла ее за свою знакомую, причем на этот раз только по голосу. Загадочная история не становилась понятнее. Но она ждет ее в кафе... может быть, там удастся получить ответы на все вопросы последних дней... или хотя бы на некоторые...

Но тогда нужно поторопиться — ведь та женщина ждет ее уже через час! Где она сказала? Кафе «Золотой ключик» на Подьяческой...

Элла нашла нужное место на карте и вызвала такси.

Это было дорого, но она очень хотела разобраться в странной истории, а значит, нужно было не опоздать...

Пока ждала такси, быстро собралась. Надела все ту же флисовую куртку с капюшоном, узнала же ее незнакомка в первый раз, узнает и сейчас. Сунула в сумку сережки, как доказательство... чего? Она предпочла не уточнять этого даже в мыслях. Успела только зашнуровать кроссовки, как телефон пискнул — такси у подъезда.

Однако она все же немного опоздала, город стоял в пробках, и она доехала до кафе на семь минут позже назначенного времени.

Кафе было довольно большое и наверняка популярное — большая часть столиков была занята. Однако Элла сразу увидела женщину, с которой должна была встретиться, узнала ее по бежевому пальто, которое та повесила на спинку стула, и по золотистым, коротко подстриженным волосам.

Незнакомка в гордом одиночестве сидела за столиком в углу кафе, привалившись спиной к стене.

На столе перед ней стояла чашка кофе. На ней были темные очки, неуместные осенью в нашем городе. Видно, у дамы паранойя, она играет в шпионов... И говорила отчего-то по телефону полупшепотом.

Элла быстро прошла через зал, подошла к столу незнакомки, села напротив и проговорила, еще не отдышавшись:

— Вы должны мне многое объяснить. Во-первых, кто такая Нора. Во-вторых...

Она не закончила фразу, потому что осознала, что незнакомка ведет себя очень странно. То есть никак.

Она не отреагировала на появление Эллы, не поздоровалась, даже не пошевелилась, не изменила позы. Вообще, она была совершенно неподвижна. Настолько неподвижными живые люди не бывают. Разве что манекены, или...

Элла очень внимательно посмотрела на свою визави и с ужасом поняла, что женщина даже не дышит.

Не может быть...

Элла испуганно протянула руку, осторожно дотронулась до руки незнакомки...

Пульс она не нашла, но рука незнакомки даже не дрогнула. И вообще, эта рука была такой...

Элла вдруг представила холодную комнату в морге, представила, что дотрагивается до мертвой руки... Что за черт! Когда такое было? Она не помнит. Но вот сейчас...

Рука незнакомки была мертвой. Тепло еще не покинуло ее, но у живого человека не бывает таких рук.

А это значит...

Додумать эту мысль Элла не успела.

Кто-то сильный взял ее за локоть, поднял со стула. В ухо влился горячий шепот:

— Пойдем отсюда! Быстро! Пойдем, говорю тебе! Тебя не должны застать рядом с трупом!

Вот именно.

Элла наконец смогла закончить мысль — незнакомка была мертва. Безусловно мертва.

Когда она это осознала, ей стало даже как будто легче, во всяком случае, ее отпустил спазм, и она покосилась на человека, чья рука сжимала ее локоть.

Это был мужчина, довольно молодой, среднего роста, плечистый, с коротко стриженными светлыми волосами. Его лицо показалось Элле смутно знакомым, хотя она не могла вспомнить, где его встречала.

И этот мужчина вел, почти тащил ее к выходу из кафе.

— Кто вы такой? — проговорила Элла растерянно. — Куда вы меня ведете? Что вам от меня нужно?

— Да не задавай ты сейчас никаких вопросов! — прошипел мужчина, бросив на нее волчий взгляд. — Вопросы потом будешь задавать, а сейчас нам нужно скорее отсюда уйти, пока шум не поднялся! Тебе нельзя попасть в полицию!

— В полицию? — переспросила Элла, вяло переступая ногами. — Почему в полицию?

— А как ты думаешь? — прохрипел незнакомец. — Если здесь найдут мертвую женщину, а ты сидела с ней за одним столом — куда тебя отправят? В цирк? В планетарий?

Элла хотела еще что-то сказать, но они уже вышли из кафе, точнее, он просто выдернул ее, как морковь



из грядки. На улице ей стало легче, она опомнилась и попыталась отнять у него свою руку.

— Что случилось? Кто вы такой, наконец? Что вам от меня надо?

— Да замолчи ты, вон уже люди смотрят! — прошипел он, и она отчего-то согласилась, что это плохо, что люди ее запомнят и что в полицию ни в коем случае нельзя попадать, не подумав, а в чем дело, она же ни в чем не виновата...

Теперь незнакомец тащил ее по улице, подтащил к темно-серой машине, открыл дверцу...

Тут Элла встрепелась и стала сопротивляться изо всех сил, она знала, как опасно садиться в машину к незнакомым людям.

— Я никуда с вами не поеду! — шипела она, однако почему-то не могла заставить себя закричать, позвать на помощь — ей мешала какая-то стеснительность, неудобно, люди смотреть станут... Она терпеть не могла, когда на нее пялятся, вяжутся с разговорами.

Ну да, сколько себя помнит, с детства такая была: только бы никто не заметил, что у нее что-то не так, только бы внимания не обратили и не начали смеяться, показывать пальцем, и с возрастом ничего не изменилось, не любила она привлекать к себе взгляды окружающих, особенно незнакомых. С людьми плохо сходилась, в толпе находиться — ей мука мученическая.

— Поедешь! — рыкнул мужчина, и тут в руке у него появился одноразовый шприц, Элла почувствовала укол в плечо... и провалилась в темноту, в бездонное черное озеро.

Элла пришла в себя и почувствовала холод.

Она открыла глаза, пытается вспомнить, где находится и что с ней случилось.

Такое бывало с ней иногда, когда она ночевала в новом месте — в первый момент было трудно понять, на каком она свете и кто вообще она такая.

Однозначно она была не дома, не на своем старом, но таком привычном диване. И стола нет, на котором компьютер стоит...

Она была в большой, пустой, неудобной комнате. Видимо, здесь шел ремонт — часть стены была оклеена однотонными светло-бежевыми обоями, часть — еще только загрунтована. Окно было открыто, поэтому и холод. На полу возле окна стояла большая банка клея, валялось несколько рулонов обоев.

Сама Элла лежала на узкой кушетке, накрытой пестрым восточным ковром. Ковер был сильно потерт и пахнул пылью. Элла осознала, что лежит на кушетке в той же флисовой куртке и в кроссовках. И сумка, ее удобная матерчатая торба, куда помещается так много нужных вещей, валялась рядом на полу раскрытая.

Очень осторожно Элла села на кушетке и проверила свою сумку. Вроде бы ничего не пропало — кошелек, телефон, ключи от квартиры... Все на месте.

Где-то совсем рядом, должно быть, в соседней комнате, раздавались голоса.

— Вы понимаете, насколько все усложнилось? — проговорил один голос, бархатный красивый баритон. — Я разработал логичную легенду, все продумал, отметил определенные важные паттерны, дал соответ-

ствующие установки, а теперь придется все на ходу менять! Это очень ненадежно! Я ничего не могу гарантировать!

— Ну, так сложились обстоятельства... — отозвался второй голос, хрипловатый, словно немного простуженный.

И тут Элла вспомнила, что было до черного озера беспамятства.

Она приехала в кафе на Подьяческую улицу, чтобы встретиться там с женщиной, которая могла дать ей ответы. Во-первых, каким образом у нее в квартире оказалась вторая серьга, когда она точно знает, что никогда в жизни серег не носила. У нее даже уши не проколоты.

Сережки! Она проверила карман сумки. Сережки исчезли.

Элла тупо смотрела на пустой кармашек. Ведь она же точно помнит, что положила их туда перед тем, как ехать на встречу с незнакомкой! В этот самый кармашек! Хотела ей отдать или спросить, что вообще происходит.

Но когда она вошла в кафе — женщина уже была мертва.

И тут ее схватил мужчина с таким же хрипловатым голосом и с волчьим, хищным взглядом. Схватил, вытащил из кафе и попытался усадить в машину.

Элла сопротивлялась — и тогда он уколол ее... вколол ей в руку какую-то дрянь, от которой она потеряла сознание.

— Так получилось... — повторил хриплый голос.

— Вы облажались, а я должен вас вытаскивать! — протянул бархатный баритон.

И тут зазвучал третий голос — и Элла сразу поняла, что этот голос принадлежит самому главному, так властно и уверенно он звучал:

— И вы все сделаете. Все исправите. Это — ваша работа. И если то, что о вас говорили, правда...

— Ну да, я постараюсь... — нехотя согласился баритон. — Я сделаю, что могу, но ничего не гарантирую...

— Нет уж! — перебил его главный. — Вы сделаете все как следует! Она ничего не должна помнить! Если вы это не сможете сделать — вся операция провалится, а мне этого очень бы не хотелось...

Голос главного звучал как будто спокойно, негромко, но в нем была такая решительность и угроза, что Элла почувствовала, что по ее коже побежали мурашки. Хотя, возможно, это было просто от холода.

На обладателя бархатного баритона спокойная, властная интонация тоже подействовала.

— Я сделаю... — проговорил он. — Я сделаю все, как надо... она ничего не будет помнить!

— И делайте это быстрее, она уже скоро может прийти в себя, препарат действует не больше часа!

Элле стало по-настоящему страшно. До сих пор она воспринимала все происходящее как будто со стороны, очевидно, так действовал препарат. И мысли если и появлялись, то медленно двигались в голове, как сонные рыбы в аквариуме.

Теперь страх обострил восприятие, из головы исчезла тяжелая сонная одурь.

У нее и так были какие-то странные провалы в памяти, а если сейчас с ней еще что-то сделают... если

кто-то будет рыться в ее голове, кроить ее воспоминания...

Она пошевелилась, проинспектировала свое тело.

Руки и ноги еще плохо слушались, но она все же смогла подняться с кушетки и сделать несколько неуверенных шагов. Сначала она двинулась к окну — и увидела, что за окном установлены строительные леса. Видимо, ремонт делали не только внутри дома, но и снаружи.

Элла хотела было выбраться за окно, но тут у нее мелькнула еще одна идея. Она схватила рулон обоев, размотала его по полу, чтобы конец оказался возле двери, а потом выплеснула на обои ведро клея.

Только после этого вылезла в окно, в последний момент вспомнив про сумку, и осторожно пошла по лесам.

Она еще успела заметить краем глаза, как в комнату вошел невысокий человек с большой головой, кустистыми бровями и черной бородой. Ступив на густо залитые клеем обои, он поскользнулся и упал... Его борода задралась в потолок.

Дальнейшего Элла не видела, она дошла до лестничного окошка, которое было просто выбито, влезла внутрь, к счастью, не порезавшись, и, как могла, быстро спустилась по лестнице, не встретив ни жильцов, ни строительных рабочих.

Выйдя из подъезда, она не пошла во двор, где чуть в стороне стояли несколько припаркованных машин и среди них та самая, темно-серая, в которой ее привезли.

Вместо этого она обошла дом и увидела забор, нашла проход в этом заборе, выскользнула уже на дру-

гую улицу и остановила проезжавшую мимо маршрутку...

Как раз вышла женщина, сидевшая сзади, Элла села на ее место, повертела головой и удовлетворенно улыбнулась, не увидев позади знакомой машины.

Однако это не она такая умная, про пути отхода она узнала из одной книги, которую редактировала пару месяцев назад. Там так и было сказано: делай то, чего от тебя не ждут.

Они-то думали, что она понесется через двор и будет вопить «помогите, убивают». А она сделала по-другому. Небось до сих пор ее ищут на детской площадке или в кустах.

Кто такие «они», Элла снова предпочла не уточнять даже в мыслях.

Мальвина подошла к женщине в темных очках, которая сидела в дальнем углу, чтобы забрать у нее пустую чашку.

Вообще-то официантку звали вовсе не Мальвина, а Марина, но поскольку она работала в кафе «Золотой ключик», то по совету хозяйки представлялась клиентам Мальвиной, написала это имя на нагрудном бейдже и даже завела себе прикольный голубой парик, который надевала на работе.

Женщина сидела неподвижно перед недопитой чашкой. Ждет кого-то или гадать на кофейной гуще собралась?

— Может быть, вам еще что-нибудь принести? — неуверенно проговорила Мальвина. — Может, десерт? У нас есть низкокалорийные десерты...

Женщина не шелохнулась.

Мальвина почувствовала внутри какой-то неприятный, щекочущий холодок.

— Что с вами? — проговорила она внезапно осипшим голосом. — Вам плохо?

Женщина за столиком никак не отреагировала на ее слова.

Мальвина почувствовала, что грядут неприятности. И самое ужасное, что хозяйка заведения, как назло, отсутствовала, так что ей, Мальвине, самой придется принимать решения...

И тут рядом с ней появился мужчина средних лет, с благородными седыми висками и чеканным профилем, и проговорил властным, уверенным голосом человека, привыкшего командовать:

— Девушка, отойдите!..

Мальвина удивленно взглянула на него, а мужчина тут же уверенно проговорил:

— Ей нужен воздух! Я врач, я в этом разбираюсь!

Мальвина охотно подчинилась, и даже обрадовалась, что незнакомец взял инициативу в свои руки.

А мужчина с седыми висками взял странную женщину за руку, прищурился, видимо, слушал пульс, а потом тем же властным голосом заявил:

— У нее сердечный приступ! Нужно срочно вызвать «Скорую»!

— «Скорую»? — переспросила Мальвина и потянулась к телефону, лихорадочно вспоминая нужный номер.

— Не суетитесь, — остановил ее незнакомец. — Я сам... я же сказал — я врач!

Он вытащил свой телефон, набрал номер и что-то проговорил. Мальвина, хотя и стояла совсем рядом, не расслышала ни слова.

Тут она заметила, что парень из-за соседнего стола поднялся и, судя по всему, собирается под шумок уйти, не расплатившись.

Пока она разбиралась с этим парнем, пока убирала посуду, перед кафе уже остановилась машина с красным крестом, в зал вбежали двое расторопных парней в голубой медицинской униформе. Один был огненно-рыжий, второй — наголо выбритый, надо думать, чтобы скрыть намечающуюся лысину.

Санитары торопливо уложили женщину на носилки и вынесли ее из зала.

Мужчина с седыми висками шел рядом с носилками и что-то тихо говорил санитарам.

Если бы Мальвина расслышала его слова, она бы очень удивилась, потому что мужчина говорил следующее:

— Отвезете ее к Никодиму, он все сделает. Главное, чтобы не было никакого шума.

— А что с *той*? — вполголоса спросил один из санитаров.

— Там все в порядке. Там разберемся, подчистим. И вообще, это не ваша забота. Главное, проследите, чтобы *здесь* обрубить все концы! За это вы отвечаете!

Элла доехала до дома без приключений, на неверных ногах доплелась до своей квартиры, к счастью, не встретив никого в лифте, и без сил плюхнулась на диван.



Компьютер на столе строго мигал зеленым огоньком, призывая к работе, но после всего, что с ней произошло, Элла не могла работать, не могла ни о чем думать. Перед ее глазами стояло лицо мертвой женщины... оно заслонило даже то, что случилось с самой Эллой после кафе — похищение, побег...

Посидев немного, она решила выпить чаю, может быть, крепкий черный чай поможет ей собраться, мобилизоваться, вернуться в рабочее состояние... в издательстве ждать не будут, их не интересуют ее личные проблемы!

Элла вышла на кухню, включила чайник и машинально ткнула пальцем кнопку телевизионного пульта, чтобы было не так одиноко, не так страшно, чтобы хоть чей-то голос зазвучал в ее квартире, разрушив настороженную тишину. Маленький телевизор помещался на полочке напротив стола.

И голос из телевизора тут же зазвучал — резкий, самоуверенный голос ведущего криминальных новостей.

— Странное событие произошло сегодня в центре города, на Подъяческой улице, — вещал журналист. — Машина «Скорой помощи» столкнулась с грузовым пикапом, который доставлял стройматериалы на расположенную неподалеку стройку. Вы спросите, что в этом странного? На наших улицах каждый день случаются дорожно-транспортные происшествия!

Ведущий сделал небольшую паузу, словно ожидая ответа, и продолжил:

— А вот что: водитель пикапа, который был виноват в столкновении, остался на месте, а вот экипаж «Скорой» пропал в неизвестном направлении. Исчез не только водитель, но и сопровождавший машину

парамедик. В машине на месте аварии был обнаружен только труп неизвестной женщины...

Труп неизвестной женщины...

Перед Эллой снова всплыло мертвое лицо женщины за столиком кафе. Не ее ли труп найден на месте аварии? Тем более что место то самое, Подьяческая улица...

Ведущий тем временем продолжал, захлебываясь от чувства собственной значимости:

— При ней не было никаких документов, к тому же лицо жертвы при аварии так сильно пострадало, что опознать ее не представляется возможным. Мы провели собственное журналистское расследование. Для начала мы попытались выяснить, откуда и куда ехала «Скорая помощь». И тут нас поджидал новый сюрприз: найденная на Подьяческой машина оказалась незадолго до того угнанной со стоянки рядом со Второй городской больницей. Мы нашли водителя угнанной машины и смогли взять у него короткое интервью...

В кадре показалось недовольное, хмурое, плохо выбритое лицо.

— Ну, отошел я на пару минут, — проворчал водитель. — Имею я право чашку кофе выпить, или как? Я уже пятнадцать часов отработал! У меня уже глаза не глядят!

— Имеете, имеете! — поддакнул журналист за кадром.

— Вот то-то, что имею! Работа тяжелая, платят, не сказать, чтобы много, и весь день на нервах. А вернулся на стоянку — и нет моей машины! Угнал ее какой-то козел! Что творится, а? Нет, вы скажите, куда мы кадимся, если уже даже «Скорую» угоняют!

В кадре снова появился ведущий.

— Итак, загадочная «Скорая» была угнана незадолго до столкновения. Теперь становится понятно, почему ее экипаж сбежал с места аварии. Но от этого загадок не стало меньше. Кто эта неизвестная женщина в машине? Откуда ее везли и куда? На второй вопрос мы не смогли ответить, но вот первый... Мы обошли все кафе и магазины на Подъяческой улице, расспрашивали всех, не видел ли кто-то каких-то деталей и подробностей происшествия — и тут нас ожидала удача...

Кадр снова сменился.

Теперь на экране появилась растерянная девица с красными заплаканными глазами, в сбитом на сторону голубом парике. На груди у нее был приколот бейдж с именем «Мальвина».

Ну да, конечно, как еще могут звать официантку в кафе «Золотой ключик»?

Элла потрясла головой в надежде, что в голове окончательно прояснится. Помогло: перед глазами мелькнуло голубое пятно. Ну да, эту девицу она краем глаза видела в кафе. Точно, официантка Мальвина.

— Значит, — раздался за кадром голос журналиста, — вы говорите, что машина «Скорой помощи» приехала за посетительницей вашего кафе, которой стало плохо?

— Ну да... — Мальвина шмыгнула носом. — Я к ней подошла, спросила, не нужно ли еще чего... а она не отвечает...

— Вот плакать не нужно, вы в прямом эфире! — напомнил голос за кадром.

— Да-а... — Мальвина вытерла глаза и продолжила: — Значит, она не отвечает... и не шевелится. Я ее спрашиваю — вам плохо, женщина? Вам помочь? А она все равно не отвечает, а тут подошел тот мужчина...

— Какой мужчина?

— Ну... такой, довольно интересный, хоть и молодой. Может, лет сорок пять, или даже больше... он и говорит — я врач, я сам с ней разберусь... а потом сказал, что у нее сердечный приступ, и вызвал «Скорую помощь».

— Вызвал? — подчеркнул журналист.

— Ну да, вызвал, я видела, как он звонил по телефону!

— Хочу обратить ваше внимание, — проговорил голос за кадром, — что вызов «Скорой помощи» в это время не отмечен ни одной из соответствующих служб.

— Не знаю, — возразила Мальвина, — а только я сама слышала... то есть видела, как он звонил по телефону, а потом и глазом моргнуть не успела, как они уже приехали. Двое санитаров с носилками, и ту женщину сразу увезли...

— А тот мужчина?

— Мужчина-то? Он их проводил, говорил что-то, а потом тоже ушел. Деньги, правда, на столе оставил, ничего сказать не могу, по всему видно, приличный мужчина!

— Оставил деньги? Значит, он что-то у вас заказывал?

— Ну да... кофе-американо, и почему-то с лимоном. Никто кофе с лимоном не пьет, но желание кли-

ента — закон, я ему положила два кусочка лимона, мне не трудно...

Мальвина исчезла, и в кадре снова появился ведущий.

— Итак, после интервью с официанткой у нас все равно осталось множество вопросов, даже появились новые. Кто такой этот мужчина, который вызвал подозрительную «Скорую»? И самое главное — кто была та женщина? Мы не остановимся на этом, мы продлим наше расследование! Смотрите наши следующие выпуски!

На экране пошла реклама, и Элла выключила телевизор.

У нее перед глазами снова возникло лицо мертвой женщины.

Она надеялась, что узнает из передачи ее имя, но ее надежда не оправдалась. Женщина осталась неизвестной, при ней не нашли никаких документов...

Но это очень странно.

Снова вспомнив сцену в кафе, представив женщину в темных очках, она четко увидела рядом с ней на стуле сумку. Красивую, модную сумку темно-синего цвета.

Наверняка в этой сумке были и документы, и телефон... Почему же их не нашли?

Ответ лежал на поверхности.

Сумку не нашли, потому что ее забрал тот мужчина, который вызвал «Скорую», или один из фальшивых санитаров. И забрали сумку как раз для того, чтобы женщину не опознали...

Потому что везли ту женщину вовсе даже не в больницу, поняла наконец Элла. Незачем ее было в боль-